

СОВЕСЕДНИК. - 1997. - № 7. - С. 10.

Спартак Мишулин сменил много разных лиц. Три из них были общесоюзными: Саид из «Белого солнца пустыни», друг всех детей Карлсон, пан Директор из знаменитого «Кабачка «Тринадцать стульев». Он, как герой Эрдмана, с детства решил стать гениальным человеком, но родители были против. Мишулин умеет петь и танцевать, играть на баяне, сочинять песни и романы, помогать знакомым актерам пробивать квартиры. Когда он выходит на сцену московского Театра сатиры, зрители аплодируют ему чуть теплее, чем остальным, — они помнят, как открывали форточки и ждали Карлсона. И хотя у Мишулина есть «кладбище несыгранных ролей» и жизнь видится сквозь призму собственноручно созданной дьявольской теории, он все-таки мужественен, как и подобает человеку с именем Спартак.

— Спартак Мишулин — сочетание несколько претенциозного для русского языка имени со сравнительно простой фамилией звучит необычно. Кто вас назвал Спартаком?

— Дядя. Он был профессором, историком. Свои основные работы писал по древнему миру. Одно время даже были в ходу школьные учебники по истории для 6—7-х классов под его редакцией. А докторскую он защитил по гладиаторам. Поскольку я родился раньше своего двоюродного брата, меня назвали именем гладиатора номер один — Спартака. А брата — именем другого знаменитого гладиатора Аристоника.

— Вам больше повезло: «Спартак» Джованьоли в России зачитывались, а Аристоник — это только для специалистов. Но почему вы подверглись этому произволу дядиных научных пристрастий? Где были родители?

— Дядя Шура считался очень близким маме человеком. Папе я и мама были, видимо, не нужны. До сих пор так и не знаю, кто мой отец. У матери никогда не спрашивал — может быть, это было ее больное место. Воспитывался тетей Дусей, дядиной женой, потому что мама все время разезжала по командировкам.

— Вы прошли через обиды безотцовщины?

— Не думаю, что это было моей главной проблемой. В последнее время жизнь была тяжелой и в ней главенствовала улица, а я в благодарен судьбе, что мне хватило силы воли и, может быть, детского ума, чтобы не скатиться на самое дно — к пьяницам, ворами. Я находился в себе силы не пить даже в таких компаниях, где заставляли это делать. Свою первую рюмку поднял в 43 года.

— Держу пари, что у вас была другая страсть — удержаться от зеленого змия, да еще в тяжелые времена, не всем дано.

— Если только страсть к писанине. Я рано этим заболел — как ночь наступит, я за перо и скрипю, скрипю до самого утра. Сочинял всякое — рассказы, романы.

— О любви?

— Скорее о приключениях. Один роман назывался «Золотой гроб». Помните, были такие стандартные тетрадки — 42 клетки и столько же страниц? Мой роман занимал 1500 таких клетчатых страниц. Сюжет, правда, незатейливый: один герой умирает, предварительно приказывая все свое богатство продать, а деньги потратить на золотой гроб. Гроб закапывают в тайном месте, всех участвовавших в погребении убивают, но три героя — Владислав, Адельгида и Станислав узнают об этом, и начинается...

— Вы мечтали о карьере писателя?

— Конкретной мечты не было, просто жила во мне натура графомана, с которой ничего поделаться было нельзя. Однажды, помню, дописался до видения — это было в начале моей театральной деятельности. Жил я тогда в Калининне в маленькой комнатухе с большим шкафом: по одну сторону шкафа — я, по другую — собака. Слышу ни с того ни с сего какой-то странный звук, оборачиваюсь, а из-за шкафа выходит женщина, лица не видно, но вся в черном, и говорит какую-то длин-

СВЕТ

ДЬЯВОЛА

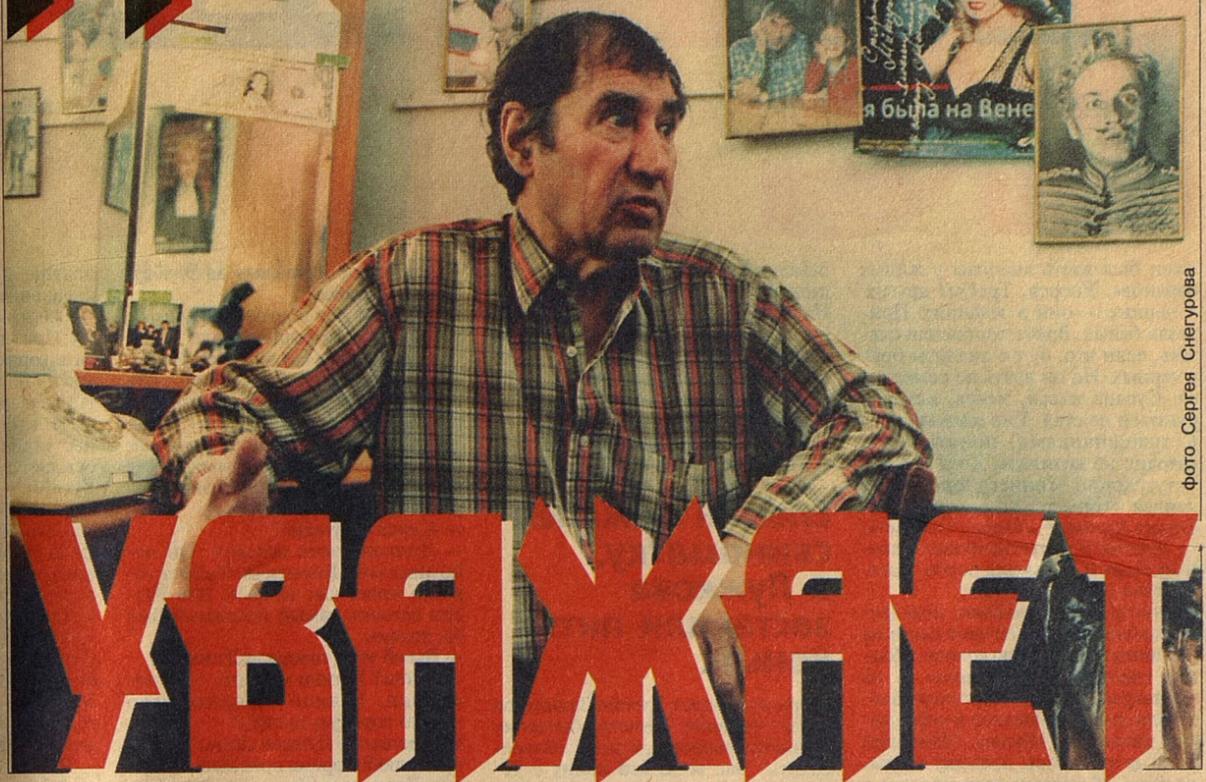

фото Сергея Снегурова

ную фразу. Точно сейчас не помню, но смысл такой: если хоть одно мое большое произведение напечатает и его прочтет определенное количество людей, я умру. С тех пор пишу в корзину или просто для себя.

— Вы боитесь, что видение было пророчеством?

— Не знаю. Но впечатление осталось сильное. Только сейчас я начал кое-что публиковать. Отдаю юморески в газеты, журналы. Но денег никогда не беру, отказываюсь.

— К юморескам, наверно, вас ниточки из «Кабачка «Тринадцать стульев» притянули. Ваш пан Директор тоже любил пошутить...

— Любил. И юмор был добрый, небезидный.

— Перед Новым годом вы ездили в Америку со спектаклем — реанимацией «Тринадцать стульев» по заказу Русского американского телевидения и снова играли пана Директора.

— Только по новому сценарию: пани Моника обзавелась собственным кабачком, а вас, за ненадобностью, разжаловала в швейцары.

— Аросева молодец — нашла спонсоров. Может быть, если хватил сил, попытаемся возродить «кабачок» в России. А что до швейцара, так это была новгородная шутка. Не такой человек пан Директор, чтоб в швейцарах ходить. И в Америке он все забирает в свои руки.

— Спартак Васильевич, а как вы Карлсоном стали?

— Ставилась пьеса по книге Астрид Линдгрен. Режиссером был я, а постановщиком Микаэлян. На роль Карлсона взяли сначала одного актера, но он не справился. Потом второго — тоже не получилось. Нашли третьего, до премьеры оставалось 18 дней, а роль не идет. Постановщик, в панике, ко мне: «Давай спасай». А мне нравился спектакль, и вдобавок я был в материале: играл одного из жуликов, знал сценарий наизусть. Ну, я и спас: стал летающим человечком. Другим всех детей. Вы не думайте, что это такая простая роль...

— Я и не думаю. После телеверсии спектакля Карлсона просто заэксплуатировали на детском телевидении: когда я видела вас в «Будильнике» — рыжего, красноносого и невероятно упитанного в задней части, думала, вы родились в своих коротких клетчатых штанах и с пропеллером на спине.

— Карлсона действительно воспринимали очень искренне. Приходило невероятное

количество писем, и много трогательных, даже трагических. Помню, одна девочка написала, что болеет уже много лет и скоро умрет, и перед смертью она хочет передать привет Карлсону. Другие дети писали: каждый вечер перед сном они открывают форточки и ждут Карлсона, прислушиваются, не загулит ли его маленький моторчик... Может быть, Карлсон сейчас не так популярен, но он всегда современен. Если он настоящий друг, а не сатана и не дьявол.

— В ваших словах о сатане и дьяволе столько раздражения. Тяжело смотреть, как дети приывают к новым героям?..

— Дело не в героях. Людей нет. Есть дьяволы. Если бы были люди, не было бы войн, насилия, не отрубали бы руки и ноги, не кололи бы глаза. Люди этого не могут делать. Это делают дьяволы.

— Дьявол в зависимости от размера проступка в течение полугода. Французская общественность прогнозирует взрыв популярности старых дедовских средств типа ремня. Может быть, чем больше порешь, тем меньше дьявола?

— Нет. Дьявола не выбить. Тут должна быть Арина Родионовна, как у Пушкина.

— Если на роль спасительницы вы берете Арину Родионовну, вы, наверно, очень цените женщин?

— Да, я хорошо к женщинам отношусь. Хотя весь этот феминизм, эмансипация, борьба с мужчинами — дьявольщина. Чего бороться, за что бороться? Вот вы моя жена, а я ваш муж. Зачем нам драться между собой? Еще не дотронувшись друг до друга, лелеем, холим, подаем руку в троллейбус, из троллейбуса, носим на руках. А поженившись, насладившись и узнав, что это такое, и женщины, и мужчины превращаются в зверей. Наверно, потому, что не могут договориться и выбрать судьбу, который назначает штрафной.

— У вас в семье кто его назначает?

— Мне повезло — с женой и дочкой все хорошо. Конечно, у меня работа нервная. Я могу прийти домой очень взбудораженный, но они успокаивают...

— А вообще, судьей в семье должен быть мужчина?

— Мужчина должен приносить домой деньги, закладывая очаг. Я женился

поздно, в 43 года. Пока я не заработал двухкомнатную квартиру, я считал, что не могу этого сделать, так как должен обеспечить своей будущей жене... рабочее место.

— Жена, наверно, моложе?

— На 15 лет.

— А дочка унаследовала от вас артистические способности?

— Она учится сейчас в театральном училище и очень довольна. В детстве она часто выступала по телевидению, я, конечно, помогал ей. В театре у нее тоже были маленькие роли. И на примере собственной дочери я видел, что взрослые просто боятся играть с детьми — святыми, наивными и органичными до безумия. Переиграть детей могут, пожалуй, только животные.

— Вы уверены, что дочь смо-

жет опровергнуть стереотип о том, что на дачах актеров природа отдыхает?

— В детстве ей все удавалось, и училище она может окончить хорошо. Но самое основное для ее карьеры — в какой театр, какие руки она попадет после: хорошо, если в ласковые, а если в дьявольские?

— А сами вы сейчас в своем Театре сатиры в каких руках?

— У нас опять какие-то дьявольские отношения с Плутеком, который, не знаю почему, стал ко мне плохо относиться. Я десять лет уже играю одно старое. А мне хочется новое сыграть.

— У вас есть свое «кладбище несыгранных ролей»?

— Есть у меня такое кладбище, и очень большое. Самое смешное, я мог играть Фигаро, Хлестакова — мне кажется, это все мое, но руководители говорили: «Ты еще слишком молод», отдавая роли пятидесятилетним. Когда же мне стукнуло пятьдесят, хлестаковских стали играть двадцатилетние. Вообще нельзя сказать, что мне по жизни особо везло. Когда я работал трактористом, сидя в тюрьме, так нас нагайками били. Как заснешь не вовремя, так и получишь по голове, хотя сутками работали.

— Это почему вас в тюрьму посадили?

— Потому что бумаги не хватало, когда молодой был. Вот почему.

— Почему здесь бумага? Ничего не понимаю...

— Я писал по ночам, бумаги не хватало, вот я и стал брать плакаты со Сталиным, переворачивать и чистую сторону использовать.

— Знаете, кто на вас донес?

— Кто-то? Кто донес на 20 тысяч, погибших на Кольме? Не скажете?

— И все же вы считаете, что наше общество нуждается в ужесточении законов?

— Да. Вот в Америке, например, если тебя поймали в третий раз на угоне машины, сядешь в тюрьму на всю оставшуюся жизнь. А у нас что хотят, то и делают. У меня, например, дачу подожгли.

— Неужели специально?

— Был у меня такой знакомый Леднев Виталий, работал в ресторане «Русь». Мы подружился. Как-то раз он мне говорит: «Я поругался с женой, не могу дома жить». Я ему и предложил: «Живи у меня. Дача стоит пустая. Газ есть, телефон есть, чего еще надо?» Стал он жить на моей даче. Сначала все хорошо было, но начал Виталий туда баб водить. Я узнал,

но ничего плохого не сказал — молодой человек все-таки, не всегда же ему одному быть. Но однажды привел каких-то малолеток, а они обзвонились на него за что-то и дачу подожгли. Его дачу.

— Как его?

— Так ведь он им не сказал, что это дача Мишулина. Он сказал, что дача его. Вот вам дьявольские проявления.

— Вы восстановили дачу?

— Почти. Но чего это стоило! Мало того что пришлось потратить все сбережения, страховку, группа актеров ринулась сыграть мне три концерта, собрали около 50 миллионов и сам я пахал в разных сериалах, так пришлось еще в будке торговать.

— В какой будке?

— В обыкновенной — около «Мосфильма», где водку продают. Надевал бороду, усы и сидел. Платили хорошо — миллион за сутки.

— А что же поджигатели?

— Дело тянется уже два года. Вначале все извинялось, мы не знали, и тому подобное. А человек должны были посадить сразу. Я и сказал: «Мне крови не надо. Помогите восстановить дачу». Ущерб оценили в 380 миллионов, и все трое должны были выплатить свою долю. Через 10 дней меня послали на три буквы.

— Пришлось отступить?

— Пришлось семь следователей сменить, а комедия все та же как научил поджигательниц адвокат, чтобы говорили, что не поджигали, так они и повторяют. Теперь версия такая, что якобы они даже спасали мою дачу: лезли в «ромб» (знаете, двери такие делают ромбами?) гасить пожар. А вы говорите, люди есть. Нету людей.

— Кого же тогда можно уважать, кому верить?

— Дьявол дьявола и уважает. Дьяволы спялись вместе, собирались кучками, одна кучка верит другой кучке, вот и все.

— Что же нам вообще делать?

— Работать.

— Разговор у нас с вами классический получается, прямо, как у Чернышевского, даже у Чехова: каждому — свою мастерскую или сад сажать...

— Просто в каждой сфере надо добиться «пятизвездочного». Везде у нас вроде бы все есть свое, но не «пятизвездочное». Вон у меня телевизор импортный с гарантией в 20 лет работает уже 25, а все как новый. Вот когда до пяти звезд дойдем, тогда, может, наступит благополучие. И дьявол отступать начнет.

Ольга ЧЕРНЕНКО.

ПРИШЛОСЬ В БУДКЕ ТОРГОВАТЬ - ОКОЛО «МОСФИЛЬМА», ГДЕ ВОДКУ ПРОДАЮТ. НАДЕВАЛ БОРОДУ, УСЫ И СИДЕЛ. ПЛАТИЛИ ХОРОШО - МИЛЛИОН ЗА СУТКИ.